

Третьяковка от А до Я

ПЕРЕД НАМИ – СТАРИННЫЙ И, как водится, загадочный портрет. Висит он в зале № 3 Третьяковской галереи, на левой по ходу стене, среди остальных работ кисти художника Рокотова. Называется для своего времени довольно типично – "Портрет неизвестного в треуголке". На первый взгляд ничего особо странного в картине нет, как, впрочем, и на второй, и на третий... Но существуют разные способы сделать тайное явным. Чтобы убедиться в загадочности этого изображения, нужно посмотреть на снимок портрета, сделанный в рентгеновских лучах. Тогда становится очевидным, что мужская фигура в черном плаще и треугольной шляпе написана поверх женской. Платье с глубоким декольте, пышный парик, серьги – все это оказалось скрыто следующими живописными слоями. Лицо при этом оставлено практически без изменений, и глаза – одни и те же для обеих моделей. Что же, попробуем познакомиться с теми, кто так или иначе втянут в историю с портретом. Причем оказывается, что всякого рода тайны и неясности будут сопровождать буквально всех действующих лиц нашего повествования. Итак, начнем с художника.

Федор Рокотов – один из крупнейших портретистов русского XVIII века, чья фамилия открывает знаменитую искусствоведческую скороговорку: "Рокотов-Левитский-Боровиковский..." Однако в биографии его много белых пятен. Когда родился художник? То ли в 1736-м, то ли в 1735-м. Определенно известно, что случилось это близ Москвы, в селе Воронцове, принадлежавшем князю П.И. Репнину, в семье крепостных. Получил образование, но как и когда – опять неясно. В начале 60-х сделал в Петербурге блестящую карьеру. Имел массу лестных заказов в самых высоких придворных кругах. В 1763 г. исполнил коронационный портрет Екатерины II, что в ту пору являлось высшей формой официального признания таланта и мастерства. В 1765 г. Рокотов становится академиком... однако по каким-то причинам бросает все это – пост в Академии, близость к высшим кругам – и около 1767 г. возвращается в Москву. Есть мнение, что художник оставил официальную службу, как только дослужился до чина, дававшего право на дворянство. Есть и другие версии. Так или иначе, но именно в Москве

РОКОТОВ

Александр - 2000 - ~ 12 (март) - с. 26-27.

загадки
одного
портрета

Портрет неизвестного в треуголке. Начало 1770-х годов.

с ее неформальной атмосферой и интенсивной интеллектуально-культурной жизнью талант художника развивается во всем его своеобразии. У Рокотова свой круг заказчиков и почитателей – московская дворянская интеллигенция, внутренне близкая самому живописцу. Один из самых горячих поклонников рокотовского таланта – граф Струйский.

Николай Еремеевич Струйский – еще одна загадка нашей истории, правда, иного плана. Главный вопрос, встающий перед сегодняшним наблюдателем: как могли ужиться и сочетаться в одном человеке такие разные свойства и качества? С одной стороны, страстный поклонник искусств, особенно поэзии. И особенно собственной. Для того чтобы достойно издавать свои вирши, Струйский завел в имени Рузаевка Пензенской губернии прекрасную типографию, для которой выписывал самые изысканные шрифты, дорогую бумагу, приглашал для выполнения заставок и виньеток лучших тогдашних граверов. Екатерина II с гордостью демонстрировала его издания иностранцам. С другой стороны, варварски жестокий крепостник, питавший страсть к "судебным процессам" над своими крестьянами, во время которых проводил не только допросы, но и пытки. Был поклонником Вольтера и страстным почитателем Екатерины. Согласно дошедшим сведениям, умер в возрасте 47 лет, узнав о кончине императрицы. Причудливый характер графа воплощен Рокотовым в его портрете. Хотя картина сохранилась плохо, образ бледного человека с лихорадочно горящими глазами и кривой улыбкой, "развинченного" в разные стороны по поверхности холста, производит сильное впечатление.

В своем имени Струйский собрал коллекцию картин, среди ко-

торых находилось шесть вещей Федора Рокотова. Одна из них и была тем самым "Неизвестным в треуголке". Здесь, видимо, наступает пора несколько разочаровать терпеливого читателя: ответа на вопрос, кто же все-таки изображен на портрете, нет. Но зато есть две версии, мужская и женская.

Согласно женской, на портрете "замаскирована" (в буквальном смысле этого слова, ибо взору зрителя теперь предстает некто в мас-

кадном костюме) первая жена графа Струйского. Знаем мы о ней немного: звали ее Олимпиада Сергеевна Балбекова, умерла она в 1769 г. двадцати лет от роду, и граф горько оплакал ее смерть в очередных стихах. То, что женщина оказывается одета мужчиной, не так уж необычно для того времени. С легкой руки императрицы Елизаветы, которой необычайно шел мужской костюм, в России стали популярны маскарады, где дамы одевались ка-

валерами, кавалеры же, напротив, дамами. Другой вопрос – почему и зачем это переодевание было устроено. Здесь мы должны вспомнить, что Струйский женился вторично. И если фамилия графа сохранилась в памяти потомков, то произошло это не по причине его стихотворного графоманства, а благодаря второй супруге – Александре Петровне Струйской, точнее, тому ее пленительному образу, который создал Федор Рокотов.

Итак, если принять гипотезу, согласно которой неведомая женщина на портрете первая, горячо любимая супруга Струйского, то в имени графа складывалась такая ситуация, когда рядом на стене в картинной галерее должны были висеть портреты двух жен одного мужа. А к портретному жанру в XVIII веке нередко относились по особому, подозревая некую связь между изображением и прототипом (вспомним хотя бы правило, существовавшее в многочисленных тогда масонских ложах: каждый новый вольный каменщик должен был принести свой портрет как, ни много ни мало, залог души). В общем, желание часто впасть в экзальтацию графа "замаскировать" свою почившую супругу может быть объяснено самыми разными причинами – от житейских до мистических.

Обратимся ко второму варианту решения этой интригующей загадки. Отправной точкой "мужской версии" стал все тот же маскарадный костюм. Не каждый день русские живописцы изображали свои модели в черных домино. Более того, персонажи в карнавальных одеждах в это время на картинах встречались редко. Однако примерно в те же годы был написан другой портрет, герой которого одет так же. Только там, наоборот, художник неведом, а имя изображенного хорошо известно. И зовут ту маску Алексей Григорьевич Бобринский.

Граф Бобринский – сын Екатерины II и Григория Орлова. Был тайно рожден 11 апреля 1762 года. Говорят, для того чтобы скрыть от супруга императрицы это событие, ее верный камердинер Василий Шкурин поджег собственный дом на дальней окраине Петербурга. Пока Петр III скакал на пожар и обратно, все свершилось. Екатерина даже нашла в себе силы лично встретить вернувшегося мужа. Тот же Шкурин взял младенца к себе. Ребенок рос вместе с детьми камердинера, считаясь сначала его сыном, а затем – воспитанником. Фамилию получил по

названию пожалованного ему села Бобрики в Тульской губернии. В 1782 г. был выпущен в чине из кадетского корпуса и отправлен в длительное путешествие по России и Европе. В это время, по свидетельствам современников, часто посещал балы и маскарады, так что маскарадный костюм являлся для него обычной одеждой. Именно так граф изображен на портрете, хранящемся в собрании Государственного Эрмитажа.

Одним из пунктов путешествия была Москва. Возможно, в этот момент граф Бобринский и художник Рокотов встретились. Тогда верхний портрет никак не связан с нижним изображением, художник просто вторично использовал холст. В собрании же Струйского картина оказалась по причине, как мы помним, особого почитания последним Екатерины.

В пользу этой теории говорит сходство, которое существует между достоверно известными изображениями Бобринского и героем Рокотова. Кроме того, что-то общее чудится в чертах неизвестного и висящего как раз по соседству портрета Григория Орлова. Тем, кто захочет проверить это лично, советуем обратить внимание как на черты лица, так и на общее впечатление "румяного" здоровья и какого-то беспечного задора, которое роднит два образа. Желая продолжить изыскания по теме стоит, без сомнения, подойти к изображению Паула работы художника Щукина (зал №6) и портрету Темкиной в зале Боровиковского.

Однако вернемся к нашей проблеме. В версии о графе Бобринском вполне логично все, за исключением разве что мелочи: с чего бы это обеспеченному высокопрофессиональному художнику, каким был Рокотов, вдруг использовать уже записанный холст? Других случаев подобной экономности за ним как-то не наблюдалось.

Короче говоря, вопрос о герое – или героине – остается открытым. Это вполне конкретная загадка, ключ к решению которой не найден, по крайней мере пока. Но рядом с этим ребусом существует истинная тайна. Она есть практически в каждом портрете Рокотова. Ускользающие полуулыбки его героев, неуловимые выражения их глаз оставляют нас один на один с тайной бесконечного внутреннего мира и в конечном итоге вечной души человека. И не важно, как там его звали.